

Торговый договор России с Персией 1717 г.

Марина Маратовна Имашева¹ , Рена Низамиевна Пирова²

¹ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Баумана, 20

²ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»

367008, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. Джамалутдина Атаева, 5

*Адрес для переписки: imaschewa@yandex.ru

Аннотация

Актуальность. История российско-иранских отношений насчитывает не одну сотню лет, и на протяжении всего периода они играли важную роль в политической и экономической сферах нашего государства. В связи с этим очень важным представляется вопрос о том, как регулировались эти отношения в документах международно-правового характера.

Материалы и методы. Основным источником для проведения исследования стали документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Эти документы освещают деятельность российской дипломатической миссии в Персии 1715–1718 гг. во главе с А.П. Волынским и заключенным в ходе нее в июле 1717 г. Торговым договором с Персией. Дневник посольства, текст самого договора, ратификационные грамоты составили источниковую базу исследования. В ходе проведения исследования нами были востребованы методы анализа сравнительно-исторический, системно-структурный, биографический.

Результаты исследования. В течение XVII века российско-персидские отношения испытывали серьезные противоречия, связанные с бурными внутри- и внешнеполитическими событиями в обоих государствах. В целом на фоне наличия общего врага – Османской Турции – произошло определенное политическое сближение двух государств. Но в экономической сфере для России существовал ряд проблем, которые она хотела бы разрешить в свою пользу. В частности, российское правительство не устраивало то, что в российско-персидской торговле через Астрахань доминировали купцы – подданные персидского шаха. Причем на территории России для армян и персов существовал режим наибольшего благоприятствования для осуществления этой торговли. В Персии же, наоборот, российское купечество подвергалось различным притеснениям, несправедливому пошлинному обложению, вымогательствам и т. п. Для решения этих проблем царем Петром I было отправлено посольство во главе с А.П. Волынским в 1715–1718 гг.

Выводы. Главным успехом дипломатической миссии А.П. Волынского стало подписание торгового договора между Россией и Персией в 1717 г. Договор был заключен на выгодных для России условиях, он был односторонним и содержал обязательства персидской стороны по обеспечению безопасной и выгодной торговли для российского купечества на территории Персии. Договор также привел к становлению российской консульской службы в Персии, что означало качественно новый этап в развитии межгосударственных отношений.

Ключевые слова: торговый договор, Персия, дипломатическая миссия, российское купечество, российско-персидская торговля, шахское правительство

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: М.М. Имашева – разработка концепции, сбор данных, согласие быть ответственным за все аспекты работы. Р.Н. Пирова – написание черновика рукописи, обоснование рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Имашева М.М., Пирова Р.Н. Торговый договор России с Персией 1717 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 3. С. 716-727. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-3-716-727>*

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-3-716-727>

The trade agreement between Russia and Persia in 1717

Marina M. Imasheva¹ , Rena N. Pirova²

¹Tatarstan Academy of Sciences

20 Bauman St., Kazan, 420111, Russian Federation

²Dagestan State Institute of National Economy

5 Jamalutdin Ataev St., Makhachkala, 367008, Russian Federation

*Corresponding author: imaschewa@yandex.ru

Abstract

Importance. The history of Russian-Iranian relations dates back more than one hundred years and throughout the entire period they played an important role in the political and economic spheres of our state. In this regard, the question of how these relations were regulated in international legal documents is very important.

Materials and Methods. The main source are documents from the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts. These documents cover the activities of the Russian diplomatic mission in Persia in 1715–1718, headed by A.P. Volynsky, and the Trade Agreement with Persia concluded during it in July 1717. The embassy's diary, the text of the treaty itself, and the instruments of ratification formed the source base of the study. In the research process we used methods of analysis, comparative-historical, system-structural, biographical.

Results and Discussion. During the 17th century, Russian-Persian relations experienced serious contradictions related to turbulent domestic and foreign policy events in both countries. In general, against the background of the presence of a common enemy, the Ottoman Turkey, there was a certain political rapprochement between the two states. But in the economic sphere, Russia had a number of problems that it would like to resolve in its favor. In particular, the Russian government was not satisfied with the fact that Russian-Persian trade through Astrakhan was dominated by merchants who were subjects of the Persian Shah. Moreover, there was a most-favored-nation regime in Russia for Armenians and Persians to carry out this trade. In Persia, on the contrary, the Russian merchants were subjected to various oppressions, unfair duties, extortion, etc. To solve these problems, Tsar Peter I sent an embassy headed by A.P. Volynsky in 1715–1718.

Conclusion. The main success of A.P. Volynsky's diplomatic mission was the signing of a trade agreement between Russia and Persia in 1717. The agreement was concluded on favorable terms for Russia, it was unilateral and contained the obligations of the Persian side to ensure safe and profitable trade for the Russian merchants in Persia. The agreement also led to the establishment of

the Russian consular service in Persia, which meant a qualitatively new stage in the development of interstate relations.

Keywords: trade agreement, Persia, diplomatic mission, Russian merchants, Russian-Persian trade, Shah's government

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: M.M. Imasheva – research concept, data collecting, agreeing to be responsible for all aspects of the work. R.N. Pirova – writing – original draft preparation, justification of the manuscript.

Conflict of Interests. The authors declares no conflict of interests.

For citation: Imasheva, M.M., & Pirova, R.N. (2025). The trade agreement between Russia and Persia in 1717. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 3, pp. 716-727. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-3-716-727>

АКТУАЛЬНОСТЬ

К началу XVIII века российско-персидские отношения были достаточно стабильными, доброжелательными и взаимовыгодными. Центральным вопросом в этих отношениях всегда был вопрос о торговых отношениях между двумя странами. Ввиду того, что с середины XVI века главными и единственными торговыми воротами России на восток была Астрахань, находившаяся у впадения Волги в Каспийское море, основным торговым ее контрагентом стала Персия, владения которой в тот период располагались на южном и западном побережьях моря.

В 1558 г. после основания русской Астрахани русское правительство сразу же «озаботилось» организацией торговли по Волжско-Каспийскому пути, ведь она сулила значительные выгоды. Очевидно было, что русское купечество, практически не участвовавшее до этого в азиатской торговле, ввиду отсутствия у России выходов в азиатский регион и не знавшее особенностей восточной торговли, было не в состоянии сразу и массово в эту торговлю включиться. А вот азиатское купечество: среднеазиатское, персидское, армянское и индийское, эту торговлю хорошо освоило. В период, когда территория Нижнего Поволжья входила в состав Золотой Орды и Астраханского ханства, здесь также был центр международной торговли, и восточное купечество в нем активно участвовало.

Поэтому уже первые астраханские царские воеводы по указанию центральной власти делали все, чтобы привлечь в новый город восточных купцов. Сразу после постройки крепости были отведены для торга, а для купцов – места для постройки караван-сараяв, которые российская казна была готова выстроить и за свой счет. С течением времени эти караван-сарай, в которых торговцы останавливались по этноконфессиональному признаку, превратились в торговые национальные фактории – Гостиные дворы [1].

Одними из первых, кто прибыл для торговли в русскую Астрахань уже в 60–70-е гг. XVI века, были купцы из Персии – «кызыл-башы», которые были доброжелательно встречены местными властями. Ими был основан один из первых караван-сараяв, который уже в следующем, XVII веке, получил название Персидского (или Гилянского, по названию провинции Персии, с которой шла самая активная торговля) Гостиного двора. Это был целый комплекс жилых, торговых и складских помещений. Здесь были выстроены первые в городе мечети [2, с. 434]. То есть в целях привлечения персидских купцов астраханские власти даже допустили свободу вероисповедания, что в целом не было характерно для Российского государства. Исторически и Армянский Гостиный двор также был «персидским», так как купцы-армяне до 1730–1740-х гг. являлись подданными персидского шаха [3, с. 76].

С 1680-х гг. торговля через Астрахань между Россией и Персией стала регулярной, персидские поданные пользовались покровительством российских властей, которые были крайне заинтересованы в том, чтобы персидский шелк и другие товары и продавались в России, и шли через ее территорию в Западную Европу. Это приносило значительные выгоды российской казне. К тому же до поры персидские торговцы не испытывали никакой конкуренции со стороны российских купцов, это было выгодно казне персидской.

В это время сближению государств также способствовало наличие общего врага – Османской Турции, которая, с одной стороны, хотела вытеснить Россию из Поволжья и восстановить Казанское и Астраханское ханство, а с другой – вела с Сефевидской Персией нескончаемые войны за Закавказье и другие территории [4]. Во второй половине XVI века между Россией и Персией состоялось несколько обменов посольствами, обсуждалось заключение двустороннего договора, но Ливонская война и последовавший за смертью Ивана Грозного династический кризис помешали этим планам осуществиться.

В течение XVII века российско-персидские экономические связи развивались поступательно, но они сильно зависели от политических событий, которые происходили в обоих государствах. События Смутного времени нанесли серьезный удар по международному статусу Российского государства. А вот Персидская держава в это время, благодаря усилиям шаха Аббаса I, наоборот, укрепилась [5, с. 156]. Стране нужны были деньги, для восстановления в качестве одного из кредиторов в период правления Михаила Федоровича Романова рассматривалась и Персия. В связи с этим ко двору Аббаса I отправилось посольство во главе с Михаилом Тихановым. Дипломатические отношения были восстановлены [6, с. 69].

Несмотря на то, что в середине XVII века обозначилось российско-персидское соперничество на Северном Кавказе, переросшее даже в 1650–1651 гг. в прямое военное столкновение, отношения между двумя стра-

нами развивались, выгодными оставались торговые отношения. Не смогли их нарушить и поход «за зипунами» казаков под предводительством С.Т. Разина к побережью Персии, последовавшее затем крестьянское восстание и захват восставшими Астрахани [7, с. 76]. Кстати, шахское правительство даже не стало требовать от русских возмещения за причиненный разинцами ущерб.

С середины XVII века обмен посольствами между Россией и Персией становится вновь регулярным. На первое место в их работе постепенно выходят вопросы, связанные с развитием торговли. В этот период в российско-персидской торговле через Астрахань уверенно доминируют армяне – подданные шаха. Главный предмет торга – шелк-сырец. Для того чтобы оптимизировать торговлю, им в том числе и транзит через территорию России в страны Западной Европы (по пути Астрахань–Архангельск), при посредстве двух правительств персидско-подданными армянами была создана Джульфийская (Армянская) компания¹.

Но такое положение дел все более не устраивало российскую сторону, которая все больше была заинтересована в том, чтобы вся эта торговля перешла в руки «природных» русских купцов и способствовала в конечном итоге процветанию российской коммерции. Тем более что ко второй половине века в Астрахани уже сформировалась собственная русская купеческая корпорация, и члены ее были заинтересованы в том, чтобы российско-персидская торговля была уже в их руках со всеми возможными выгодами. Поэтому российские дипломаты все чаще во главу угла ставили вопросы, связанные с обеспечением торговых прав и интересов российских подданных на шахской территории.

Например, в 1658 г. в Москве в Посольском приказе состоялись переговоры бояр с послом персидского шаха Докулем Салиатом. Обсуждались различные вопросы, главными из которых были размеры таможенного обложения, условия обеспечения безопасно-

¹ Армяно-русские отношения в XVII в.: сб. документов. Ереван, 1953. С. 89-90.

сти торговли и передвижения купцов по территориям двух стран, гарантии невозможности уголовного преследования купцов по экономическим вопросам и т. д.²

В самой Персии появились два центра, в которых русские купцы осуществляли оптовую торговлю: Шемаха в Закавказье и Решт в провинции Гилян в Персии. И гарантий безопасности для торговли русских купцов правительство хотело прежде всего здесь. В 1664 г. шахские власти пошли навстречу, и в Шемахе и Реште были отменены пошлины для русских купцов, представительство русских купцов – Русский Гостиный двор получило здесь официальный статус.

Особо остро в конце XVII века стоял вопрос о пошлинном обложении, так как каких-либо определенных договоренностей вообще не существовало. Если в России в отношении персидского купечества с 1653 г. на основе норма Таможенного устава действовала единая пошлина в 5 % с цены товара, подтвержденная в основном затем и в Новоторговом уставе 1667 г.³, то в Персии царил полный произвол в сборе пошлин. Здесь величина обложения полностью была отдана на откуп чиновникам, которые в целях личной наживы могли брать и 5, и 10, и даже более процентов с русских купцов. Постоянно вымогались и «подарки» как привезенными товарами, так и деньгами. Естественно, что российское правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы персидская сторона навела порядок и создала режим благоприятствования для торговли русских купцов на своей территории. В перспективе царским властям виделась идеальная картина, что вся российско-персидская торговля станет монополией русского купечества. Но достижение этого идеала было крайне затруднительным.

Дело в том, что отдельным вопросом стоял вопрос личной и имущественной безопасности для российских купцов на персид-

ской территории. Если в России персы и армяне, подданные шаха, находились под охраной закона и после подавления разинского восстания в условиях начального этапа становления абсолютистского государства практически ничем не рисковали, то в Персии русские подданные почти всегда торговали на свой страх и риск. Взятничество, которое процветало в обоих государствах, в Персии было наименьшим из зол. Хотя взятки, которые вымогались, здесь могли достигать огромной суммы, равной чуть ли не стоимости всего привезенного для реализации товара.

Вот как описывались такие случаи в российских «Претензиях» предъявленных главой российской дипмиссии А.П. Волынским шахскому правительству в 1717 г.: «...по-неже когда российские купцы приезжают с товарами своими в Гилян, тогда у них у досмотру товары выбирают, что потребно везиру и даруге, то берут у них купцов насильно и за тот товар денег им купцам не выдают и в пошлины того товару не зачитают. Также всегда с них купецких людей берут великие дачи и торговать заказывают, а своим купецким людям покупать товаров у них не велят, кроме того разве кто, что тайно купит... А пошлины с российских купцов берут в двое против басурманов, также и лавочные деньги... Также в Гиляне, когда какой басурман хотя напрасно побьет челом, то по челобитью оных российских людей безо всякого розыску оных бьют и в железзах и в тюрьмах держат и вымучивают у них деньги, также и басурманитца принуждают»⁴.

Нередки были случаи нападения на русских купцов на побережье Каспия и во внутренних провинциях Персии. Товары разграблялись, а людей пленные. Нередко они потом навсегда пропадали на невольничьих рынках Средней Азии и Турции. Грабили и разбивавшиеся у персидского побережья корабли с товарами, судовых работников и даже российских солдат, приставленных для охраны, также уводили в плен. От совершенного от-

² Армяно-русские отношения в XVII в.: сб. документов. Ереван, 1953. С. 15-16.

³ Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма. Москва, 1986. Т. 4. С. 117-136.

⁴ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 77. Оп. 3. Д. 10. Л. 14-15.

каза участвовать в торговле с Персией русских купцов останавливало только то, что приносила она баснословные барыши, доходившие до 500 %.

Вот в таком состоянии российско-персидские отношения находились к началу нового XVIII века. Как известно, для России это время стало началом новой, имперской, эпохи, начавшейся с масштабных реформ Петра I, затронувших все сферы российского общества. В числе многих задач, которые ставил перед собой российский царь, было и развитие мануфактурной промышленности, нуждавшейся в дешевом и качественном сырье, и политика меркантилизма, защищавшая отечественных производителей и отечественных предпринимателей. Актуальным был и вопрос о расширении границ государства, приобретения новых и оптимизации старых торговых путей. Так, на повестке оказался вопрос российско-персидских отношений, вылившийся в итоге в Персидский поход 1722 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Перед тем как начать военные действия, Петр I отправил в Персию посольство во главе с Артемием Петровичем Волынским, продлившееся три года (1715–1718 гг.). Волынскому были даны «Инструкции»⁵, в которых были сформулированы цели миссии. Прежде всего, это была «разведка» политического, экономического, географического положения Персидского государства. Но также была сформулирована задача выяснить перспективы развития российско-персидских торговых отношений, возможности участия в них российского купечества через создание для последнего особых привилегированных условий. Также предписывалось, что в случае достижения согласия по этому вопросу по возможности заключить договор с персидской стороной.

Два года, с большими остановками, добиралось посольство до шахского двора в Исфагане, по пути собирались сведения о

⁵ РГАДА. Ф. 77, 1715–1717 гг. Д. 1. Л. 46–52об.

ситуации в Иране, о жизни людей, географии, особенностях природы и фауны. И сегодня подробный дневник посольства А.П. Волынского, который составляет 1254 страницы текста (хранится в Российском государственном архиве древних актов), является востребованным источником по истории, этнографии, географии Сефевидского Ирана в период его упадка [8, с. 11].

Включены в текст дневника и «Претензии» к персидскому правительству о нарушениях правил торговли и торговых и личных прав российского купечества в Шемахе и Гиляне, собранные за 15 лет (1700–1715 гг.), состоявшие из 20 пунктов⁶. Передача документа эхтем девлету Фатх-Али Хану Дагестани, первому министру стало, по сути, началом переговоров о заключении торгового договора между двумя странами. Длительность они сравнительно недолго, полтора месяца. Хотя персидская сторона изначально вообще старалась уклониться от его заключения и долго не соглашалась на организацию аудиенции между Волынским и первым министром.

Изучение этих документов на основе использования общенаучных (анализа, дедукции) и специальных исторических (сравнительно-исторического, системно-структурного, биографического) методов позволило реконструировать историческую картину того, как происходила подготовка к подписанию документа, какие цели преследовали договаривающиеся стороны, процесс ратификации и иные аспекты, которые сопровождали появление Торгового договора между Россией и Персией в 1717 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый министр или эхтема давлет Фатх-Али Дагестани, управлявший Персидским государством в 1710-е гг. от имени безвольного шаха Хусейна Солтана, был опытным и хитрым восточным царедворцем, вполне понимавшим, что для Персии выгодно сохранять монопольное положение в рос-

⁶ РГАДА. Ф. 77. Оп. 3. Д. 10.

сийско-персидской торговле за персидским купечеством. Это обеспечивалось, прежде всего, сохранявшимися порядками, породившими произвол в отношении русских купцов. И персидское правительство их менять не очень хотело. Поэтому принять Волынского, который прямо заявлял, что прибыл в Персию по вопросу о плохом состоянии торговли, которая «обретается без всякого фундамента», а русское купечество подвергается всяческим притеснениям, о чем знали и сами персы⁷.

Вступая в переговоры с персами по поводу заключения мирного договора, глава российской миссии считал, что в его основу должен быть положен принцип равноправия сторон. Волынский объяснил эхтема девлету, что перед подписанием договора следует обговорить каждый пункт и только на основе взаимного согласия их вписать в документ. Также он оговорил свои ожидания, что после заключения договора, русским купцам в Персии, также как и персидским – в России, будет обеспечено быстрое рассмотрение властями, без волокиты, рассмотрение спорных ситуаций и недоразумений. Это был самый острый вопрос во взаимоотношениях двух стран⁸.

Фатх-Али Дагестани в свойственной ему манере, затягивая подписание трактата, объяснял А.П. Волынскому, что вообще не понимает, зачем нужен этот договор. Ведь есть же внутренние указы шаха и их вполне было достаточно, на его взгляд⁹. Но русский дипломат настаивал, что такой договор нужен обоим странам, а также ему лично, чтобы оправдаться перед царем о результативности своей поездки. Также персидский первый министр переживал, что он подпишет трактат как второе лицо в государстве, а вот А.П. Волынский ему по статусу явно уступает, и не будет ли в этом случае умаления его престижа и престижа шахской власти в целом. Все же, в итоге, подписать согласился. А вот содержание документа, в который рос-

сийская сторона считала необходимым внести вопросы о постройке православной церкви в Персии, о притеснениях русских купцов, о русских невольниках и т. п., казалось, первого министра мало интересовало. В итоге было предложено текст документа составить самому А.П. Волынскому и затем представить на подписание эхтема давлету¹⁰. В целом же было очевидно, что персидская сторона была заинтересована в затягивании переговоров.

Но неожиданно переговоры ускорились. С 1709 г. Персия находилась в состоянии затяжного военного конфликта с афганскими племенами, причем военные успехи были не на стороне Сефевидов¹¹. 16 июля 1717 г. в Исфагане стало известно о крупных поражениях персидских войск под Бахрейном и Гератом, 17 июля – о нападении узбеков на Мешхед, что подтолкнуло шахское правительство к скорейшему завершению переговоров с русскими и подписанию торгового договора¹².

28 июля состоялась пятая по счету встреча (конференция) российского посла А.П. Волынского и первого министра шахского правительства Фатх-Али Дагестани, на которой, наконец, персам были переданы составленные на фарси статьи (всего 21) предложенного к подписанию торгового договора¹³. А.П. Волынский назвал этот проект: «Пункты, которые я в конференциях предлагал, также потом и на письме поданные на персидском языке. Также в проект договора вошли ответы персидской стороны, названные «Резолюция шахова, что учинена против пунктов»¹⁴. А окончательный вариант ответа эхтема двлета назван был А.П. Волынским «Копия с ассекурации (обнадеживания) персидской стороны, данной чрезвычайному посланнику Артемию Волынскому о купечест-

¹⁰ Там же. Л. 259.

¹¹ История стран зарубежной Азии в средние века. Москва, 1970.

¹² РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1715–1718. Д. 2. Л. 259, 267-267об.

¹³ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 1-7.

¹⁴ Там же. Л. 8-14.

ве (торговле) в 1717 году»¹⁵. Именно этот, последний вариант в Санкт-Петербурге был переведен Д.К. Кантемиром и опубликован после ратификации в России под названием «Договор, заключенный Российским посланником Волынским с Персидским Министром Эхтема Девлетом о торговле Российских купцов в Персии» [9, с. 274-278]. В 1830 г. он вошел в V том ПСЗ РИ.

Для российской стороны были очень важны в ходе переговоров четыре основных вопроса, которые раскрывались в тексте договора. Первый вопрос касался строительства православных церквей на территории Персии «для обеспечения» духовных нужд российских подданных. В принципе, в Персии, со времен шаха Аббаса I, установился режим веротерпимости [10], и эхтема давлет высказался в том духе, что если хотят строить – пусть строят, но тогда все русские купцы, став прихожанами церкви на территории Персии, пусть платят 10 % пошлину в шахскую казну, как платят и все мусульмане на содержание мечетей. Это вызвало несогласие А.П. Волынского, который справедливо заметил, что в России никаких налогов с мечетей и армянских церквей не взимается. В итоге решили оставить, но сделать в конце приписку «однако же сей пункт оставляется до иного времени»¹⁶.

Самым главным в договоре был второй вопрос, который касался непосредственно торговли русских купцов. А.П. Волынский добивался того, чтобы при покупке шелка-сырца – главной статьи персидского экспорта – русские купцы пользовались преимущественным правом. Но эхтема давлет внес поправку: «...чтоб им свободно и не запрещено было покупать как шелк-сырец, так и прочие товары, которые оне хотят». Если русские покупать будут «в первую очередь», то это нанесет урон интересам Персии, сюда перестанут приезжать торговцы из Турции и других стран. А пошлин ежегодно собирается с этой торговли в шахскую казну до 100

тыс. тюменей. А.П. Волынскому, однако, удалось включить в окончательный вариант дополнения, которое давало русскому купечеству определенные преференции: «дать позволение российским купцам, чтобы всегда, сколько могут и (сколько) похотят, купить шелка-сырца и прочего сколько вольны покупать, а возбранить им никто не будет» [9, с. 275].

Третий вопрос о невольниках также вызвал споры. А.П. Волынский настаивал на том, что все русские пленники, находившиеся в Персии, должны были быть возвращены на родину. Фатх-Али-шах, происходивший из знатного лезгинского рода [11], пытался свести все к вопросу о праве дагестанских феодалов грабить разбившиеся у западных берегов русские торговые корабли и уводить в плен находившихся на них людей. Также он уклонялся от определения сроков возвращения пленников, что на самом деле означало отказ от решения вопроса. Эхтем давлет согласился в перспективе издать указ о возвращении русских пленников, «кроме тех, которые сами не похотят». Было отказано также содействовать в отправке в Россию тем невольникам, которые через территорию Персии бежали из Турции, Крыма и других восточных государств¹⁷.

Вопрос четвертый касался обустройства и обеспечения безопасной торговли главной торговой пристани на Каспии в XVII–XVIII в. – Низовой (Низабат). Здесь шла оживленная торговля с российскими и английскими купцами, сюда в основном приходили корабли из Астрахани и здесь же очень часто русские купцы подвергались различным притеснениям, грабежу и даже физическим расправам [12, с. 37]. Территория эта контролировалась местными феодалами, слабо подчинявшимися центральной власти. И вот в отношении них глава посольства и просил навести порядок. В противном случае, он угрожал, что российские власти при помощи войск сами этот порядок наведут. Ну а для удобства торговли, считал А.П. Волын-

¹⁵ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 15-22об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1715–1718. Д. 2. Л. 276-277об.

¹⁷ Там же. Л. 281-281об.

ский, следует вообще устроить на западном побережье новую пристань, более удобную, чем Низовая, которая отличается еще и неудобством гавани и порта. Решать этот вопрос шахский министр отказался¹⁸.

30 июля 1717 г. эхтема давлет Фатх-Алихан Дагестани и русский посланник подписали торговый договор. Это было первое официальное двустороннее соглашение между двумя странами. Он состоял из десяти двойных статей (пунктов). Первая часть статьи представляет собой формулировку российской стороны, вторая – ответ-обязательство на нее первого шахского министра по принципу: «На п. 1. И по указу высокому поставлено...». Затем идет текст-обязательство.

Первые пункты договора касаются обеспечения беспрепятственной торговли российских купцов в Персии: исключения случаев принудительных обысков товаров, задержания на длительное время под вымышленными предлогами; свободный пропуск русских купцов в любые области Персидского государства; обеспечения шахской охраной купеческих обозов, передвигающихся по территории Персии, содействие в найме сопровождающих лиц из местных жителей; обеспечение безопасной и выгодной, по справедливому ценам, торговли в Шемахе, без вымогательств со стороны чиновников; свободный доступ к справедливому судопроизводству; обеспечение сроков исполнения обязательств по взаимным договорам между российскими и персидскими подданными и т. д.

Пункт 7 касался главного предмета иранской торговли – шелка-сырца. Российским подданным отныне «в страну Ширванскую, или в Гилян как придут, и хотя шелк покупать или на мену менять, судьи и начальники и другие в сем противности да не наносят и да пускают, сколько шелку сырцу и какого роду захотят, с обеих сторон по договору да покупают или на мену да меняют, и в страну Российскую да провозят».

¹⁸ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1715–1718. Д. 2. Л. 285–286.

Пункт 8 отменял практику разрешения споров между российскими и персидскими подданными при посредстве толмачей – подданных шаха, так как это каждый раз приводило к произволу и несправедливым решениям. Шах был не против теперь, чтобы от российской стороны в Шемахе кто-нибудь «для сего дела определится, и по состоянию его чина в почтении да будет». Таким образом, была заложена юридическая основа для становления российской консульской службы в Персии, чем петровское правительство не замедлило воспользоваться.

В пункте 9 было упорядочено взимание пошлин. Отныне с российских купцов было предписано брать те же пошлины, в размере 10 червонцев с одного вьюка, что и с торговавших персидских подданных – персов и армян. И пункт 10 под страхом наказания воспрещал отныне грабить купеческие корабли, разбившиеся у персидских берегов; также преследовать всех, кто посягнет на имущество или жизнь российского купца¹⁹.

По возвращении в Санкт-Петербург А.П. Волинский 29 января 1719 г. направил в Коллегию иностранных дел «Доношение» о необходимости ратификации торгового договора с Персией и назначении консула в Шемаху²⁰. Так как документ был подписан эхтема давлетом, первым министром шахского правительства, А.П. Волинский полагал, что ратификацию должен подписать канцлер Г.И. Головкин, как равный по рангу в Российском государстве. Канцлер согласился, и торговый договор между двумя странами был ратифицирован им от имени Петра I, а 1 июня 1719 г. в Персию был отправлен гонец Дмитрий Петричис с соответствующей грамотой под названием «Ратификация на обнадеживание, данное при дворе персидском Господину Волинскому о коммерции»²¹. Следует отметить, что в тексте ратификационной грамоты не содержалось ничего о взаимных обязательствах Российского государства. То есть договор 1717 г.

¹⁹ ПСЗ РИ-I. Т. V. № 3097.

²⁰ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1719. Д. 2. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1719–1720. Д. 6. Л. 8-9об.

рассматривался российской стороной как односторонний и неравноправный, несмотря на все высказанные в Персии А.П. Волынским соображения о взаимности.

После долгого пути, 24 мая 1720 г. в Казвин к шаху с ратификационными грамотами прибыл русский гонец Д. Петричис. Он получил аудиенцию и ответную ратификацию. В знак особого благоволения шах подарил русскому царю слона, который через год оказался в Санкт-Петербурге²². Шахская ратификация была сдана Петричисом в Коллегию иностранных дел 2 декабря 1720 г. и переведена на русский князем Д.М. Кантемиром²³.

Сразу же после обмена ратификационными грамотами российское правительство поспешило реализовать пункт 8 на практике. 21 декабря 1720 г. в Персию был назначен российский консул при шахском дворе в Исфагане. Им стал участник миссии А.П. Волынского Семен Аврамов. Тогда же был назначен и вице-консул Алексей Баскаков, местом пребывания которого была определена Шемаха. В первой консульской экзекватуре повод для назначения был обозначен не как необходимость «надзирания» за незаконными действиями шахских властей в отношении российского купечества, а лишь устранение «непорядков и ссор» между ними²⁴, что в действительности же реальности не соответствовало. Консул и вице-консул получили право обращаться к шаху и к местному хану напрямую, если персидские власти не будут принимать никаких мер к соблюдению прав и безопасности российского купечества на своей территории²⁵.

Петр I со своей стороны высоко оценил заслуги А.П. Волынского в осуществлении дипломатической миссии в Персии и заключении торгового договора. Царь женил А.П. Волынского на своей двоюродной сест-

ре А.Л. Нарышкиной, произвел в полковники и генерал-адъютанты [13, с. 23] и назначил губернатором во вновь образованную Астраханскую губернию [14, с. 108].

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы видим, что учреждение русского консульства в Персии, закрепленного в 8 статье торгового договора 1717 г., безусловно, стало большим успехом миссии А.П. Волынского, что высоко оценил русский историк В.А. Ульяницкий еще в XIX веке [15]. Известный специалист по истории международного права А.А. Зоннентраль-Пискорский указывал на шаткость юридических оснований и договора и консульской миссии [16, с. 110]. Но это было лишь начало двусторонних политических и экономических отношений договорного характера между Россией и Персией, которые получают дальнейшее развитие в мирных договорах XVIII и XIX века.

Кроме того, пусть пока только на бумаге, российскому правительству удалось добиться решения самых острых вопросов в области торговых отношений. Персидские власти зафиксировали свои обязательства по обеспечению безопасности, охраны личности и имущества российских купцов на своей территории. Был урегулирован вопрос пошлинного обложения, даны обещания предотвращать разбои и грабежи, случаи насилия со стороны представителей власти в отношении российских подданных. Некоторые важные вопросы, такие как строительство православных церквей, судьба русских невольников, А.П. Волынским так и не были решены.

Конечно, говорить о том, что персидские власти сразу же после ратификации стали выполнять все пункты договора, не приходится. Притеснения, вымогательства взяток, грабежи, к сожалению, продолжились. Но договор наметил те линии интересов в экономическом взаимодействии друг стран, которые будут обговариваться на переговорах двух стран в будущем и будут закреплены в

²² РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1719–1720. Д. 6. Л. 29–30, 87, 88об.

²³ Там же. Л. 35.

²⁴ АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 77. Оп. 77/1. 1720. Ч. 1. Д. 3. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 8–9.

новых договорах, следующий из которых будет заключен уже в 1724 г. в Санкт-Петербурге по результатам победоносного для России Персидского похода. И вопросы,

касающиеся торговли российского и персидского купечества, займут в нем одно из центральных мест.

Список источников

1. Имашева М.М. Гостиные Дворы в Астрахани в конце XVIII – I половине XIX в. как форма предпринимательства персидских купцов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 1 (31). С. 145-149. <https://elibrary.ru/tmepcr>
2. История Астраханского края / под ред. Н.М. Ушакова. Астрахань, 2000. 1119 с. <https://elibrary.ru/tektlb>
3. Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. Астрахань: Волга, 2007. 287 с. <https://elibrary.ru/qphnnp>
4. Садилов Н.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Москва, 1947. Т. 22. С. 132-166.
5. История Ирана / под ред. М.С. Иванова. Москва, 1977. 487 с.
6. Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. Саранск, 1977. 286 с.
7. Марков А.С. Забытые страницы. Москва, 1984. 240 с.
8. Власьев Г.А. Род Волыньских. Санкт-Петербург, 1911. 82 с.
9. Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. Москва: Наука, 1978. 291 с.
10. Blow D. Shah Abbas: The Ruthless King Who became an Iranian Legend. London, 2009. 456 p.
11. Babaie S., Babayan K., Baghdiantz-McCabe I., Farhad M. Slaves of the Shah: New Elites of Safavid Iran. London, 2004. 218 p.
12. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. Санкт-Петербург, 1763. 386 с.
13. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфидененты». Санкт-Петербург, 1885. 38 с.
14. Lockhart L.L. The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958. 654 p.
15. Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Москва, 1899. 203 с.
16. Зоннештраль-Писковский А.А. Международные торговые договоры Персии. Москва, 1931. 254 с.

References

1. Imasheva M.M. (2015). Astrakhan guest courts at the end of 18th - first half of 19th as a form of entrepreneurship of Persian merchants. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, no. 1 (31), pp. 145-149. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmepcr>
2. Ushakova N.M. (ed.). (2000). *The History of the Astrakhan Region*. Astrakhan, AGPU Publ., 1119 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tektlb>
3. Kugrysheva E.V. (2007). *The History of Armenians in Astrakhan*. Astrakhan, Volga Publ., 287 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qphnnp>
4. Sadikov N.A. (1947). The March of the Tatars and Turks on Astrakhan in 1569. *Istoricheskie zapiski = Historical Notes*, vol. 22, pp. 153-164. (In Russ.)
5. Ivanov M.S. (ed.). (1977). *The History of Iran*. Moscow, 487 p. (In Russ.)
6. Kukanova N.G. (1977). *Essays on the History of Russian-Iranian Trade Relations in the 17th – First Half of the 19th Century*. Saransk, 286 p. (In Russ.)
7. Markov A.S. (1984). *Forgotten Pages*. Moscow, 240 p. (In Russ.)
8. Vlas'ev G.A. (1911). *The Volynsky Family*. St. Petersburg, 82 p. (In Russ.)
9. Bushev P.P. (1978). *Artemy Volynsky's Embassy to Iran in 1715–1718*. Moscow, Nauka Publ., 291 p. (In Russ.)
10. Blow D. (2009). *Shah Abbas: The Ruthless King Who Became an Iranian Legend*. London, 456 p.
11. Babaie S., Babayan K., Baghdiantz-McCabe I., Farhad M. (2004). *Slaves of the Shah: New Elites of Safavid Iran*. London, 218 p.

12. Soimonov F.I. (1763). *Description of the Caspian Sea and the Russian Conquests Made on It, as Part of the History of Emperor Peter the Great*. St. Petersburg, 386 p. (In Russ.)
13. Korsakov D.A. (1885). *Artemiy Petrovich Volynsky and his "Confidants"*. St. Petersburg, 38 p. (In Russ.)
14. Lockhart L.L. (1958). *The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*. Cambridge, 654 p.
15. Ul'yanitskii V.A. (1899). *Russian Consulates abroad in the 18th Century*. Moscow, 203 p. (In Russ.)
16. Zonneshtral'-Piskorskii A.A. (1931). *International Trade Treaties of Persia*. Moscow, 254 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Имашева Марина Маратовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>

Scopus Author ID: 57208645750

ResearcherID: V-5157-2018

imaschewa@yandex.ru

Пирова Рена Низамиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-8408-7681>

pirova1969@mail.ru

Для контактов:

Имашева Марина Маратовна

imaschewa@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.04.2025

Получена после доработки 04.07.2025

Принята к публикации 29.08.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Marina M. Imasheva, Dr. Sci. (History), Leading Researcher at Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>

Scopus Author ID: 57208645750

ResearcherID: V-5157-2018

imaschewa@yandex.ru

Rena N. Pirova, Cand. Sci. (History), Associate Professor of Criminal Law and State Law Disciplines Department, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-8408-7681>

pirova1969@mail.ru

Corresponding author:

Marina M. Imasheva

imaschewa@yandex.ru

Received 22.04.2025

Revised 04.07.2025

Accepted 29.08.2025

The authors has read and approved the final manuscript.